

Мещерский Владимир Петрович

Речи консерватора

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

Владимир Петрович М.
В57 Речи консерватора / Мещерский Владимир Петрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 390 с.

ISBN 978-5-519-96386-2

Содержание: Выпуск 1. 1. Нечто вроде исповеди вместо предисловия. 2. Посвящение русскому дворянству. 3. Политические письма. 4. Россия под пером замечательного человека. 5. Заграничные эскизы

ISBN 978-5-519-96386-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

кто какъ я, задаетъ себя мыслию говорить консерва-
торскія рѣчи.

Къ тому же, мнѣ кажется, что всѣ оскорбленія и
ругательства, всѣ обвиненія въ преступленіяхъ, (и въ
какихъ еще!) которыхъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ удо-
стоила меня либеральная печать за то только, что я
писалъ статьи въ „Гражданинѣ“, дали именно мнѣ какъ
будто право считать себя обязаннымъ объяснять обще-
ству кое-что изъ своего образа мыслей, такъ какъ въ
теченіе 4-хъ лѣтъ я былъ для этого общества тѣмъ
разбойникомъ пера и мошенникомъ печати, которымъ
почему-то газеты черезъ-чуръ много занимали об-
щество.

Это *почему-то* есть явленіе довольно любопытное,
о которомъ я расскажу, потому что оно въ тѣсной свя-
зи съ вопросомъ, который я поставилъ себѣ въ началѣ
моего предисловія.

Можетъ быть нѣкоторые думаютъ, что меня бра-
нили и позорили въ печати потому только, что я пи-
салъ въ „Гражданинѣ“ рѣзко-консервативныя статьи,
или потому, что я въ самомъ дѣлѣ совершилъ какія
либо преступленія.

Совсѣмъ нѣтъ.

Главная причина вотъ какая:

Послѣ двухлѣтнихъ поѣздокъ по Россіи, въ теченіе
которыхъ я, какъ могъ, изучалъ жизнь добросовѣстно,
я вынесъ въ то время два убѣжденія: первое, что
жизнь въ Россіи идетъ впередъ и второе, что во мно-
гомъ Петербургскій либерализмъ тормозитъ это движе-
ніе впередъ Русской жизни.

Объ Россіи я писалъ и печаталъ свои очерки, о
Петербургѣ, по возвращеніи въ него, я задумалъ на-

писать нѣчто такое, гдѣ бы я могъ излить свою ненависть къ либерально-фальшивому направленію нашей современной печати.

Былъ я въ ту пору юнъ, впечатлителенъ, неразуменъ и въ дѣлѣ писанія менѣе опытенъ чѣмъ теперь, (*ce qui du reste n'est pas beaucoup dire*).

Что же я сдѣлалъ? Въ пылу, такъ сказать, перваго негодованья на либеральную печать и въ порывѣ юношеской любви къ Россіи, которую я только что видѣлъ возрождающеюся, я сочинилъ нѣчто въ родѣ діалогическаго разсказа, въ которомъ вывелъ на сцену либеральнаго редактора со всѣми его атрибутами—вывелъ довольно плохо—и въ довершеніе ужаса, избралъ эпохою дѣйствія 1861-й годъ, въ Петербургѣ, когда пожары въ немъ казались подвигами какой-то адской махинаціи, и весь свой разсказъ освѣтилъ заревоиъ этого пожара на толкучемъ.

Но это еще ничего. Разсказъ этотъ я прочелъ въ гостиной одного сановника вельможи, въ присутствіи разныхъ лицъ и въ томъ числѣ двухъ литераторовъ, одного молодого, а другого стараго, но обоихъ либераловъ.

На складкахъ блѣднаго лица молодого либерала я увидѣлъ, увы!—свое литературное погребеніе.

Мнѣ совѣтовали это произведеніе не печатать.

И былъ молодъ и неразуменъ: совѣта не послушался—напечаталъ, но безъ подписи и затѣмъ получилъ два фельетона, да такихъ, что съ горя, опять же по неопытности, не двѣ, а трижды двѣ ночи не спалъ.

Съ этой минуты я сталъ въ глазахъ либеральной печати всѣхъ отпѣнковъ человѣкомъ отпѣтымъ.

Но вдругъ этотъ отпѣтый человѣкъ заявляетъ о

своемъ существованіи въ объявленіи объ изданіи „Гражданина“.

Я выступилъ на сцену уже открыто.

Хотя въ ту пору спиритизмъ не былъ еще въ сильной модѣ, но духи существовали и тогда. Одни духи мнѣ шептали: хочешь исправить свою репутацію писателя, пиши, братъ, либеральныя статьи, и грѣхъ юности твоей тебѣ простится; другіе духи шептали: пиши, какъ думаешь, какъ чувствуешь, пускай бранятъ.

Я повѣрилъ послѣднимъ.

И что же?

Успѣло выйти еще одно лишь объявленіе объ этомъ изданіи, какъ вдругъ изъ-всѣхъ газетъ залпъ на меня по всей линіи.

Вытащили изъ архива мой писательскій формуляръ, и на вопросъ: кто я—показывали: вотъ это тотъ, который напечаталъ 5 лѣтъ назадъ пасквиль на либеральнаго редактора журнала.

Таково было мое наказаніе за одну неосторожность.

Да, я началъ мою литературную карьеру съ того, съ чего долженъ былъ кончить: съ разсказа о томъ, въ какой тѣсной духовной связи находится у насъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, литература и образованное общество.

. Молодой человѣкъ, чувствовавшій эту связь и это вліяніе литературы на общество, такъ сказать, порывами, въ тѣ минуты, когда онъ видѣлъ на мѣстѣ вредъ этого мертвяще-либеральнаго вліянія изъ Петербурга на горячо пробуждающуюся жизнь въ Россіи,—долженъ былъ свои впечатлѣнія внести въ записную книжку, но никакъ не изливать въ форму нескладнаго разсказа.

Онъ долженъ былъ долго послѣ этого прожить,

передумать и перечувствовать и уже писать объ этомъ съ сѣдиною или лысиною на головѣ.

Но дѣло не въ этомъ: что сдѣлано, то сдѣлано.

Возобновляю связь этого разсказа съ началомъ моего предисловія.

Не десять, а лѣтъ пять спустя послѣ этой эпохи, когда я писалъ мои заключительные, къ „Очеркамъ общественной жизни въ Россіи“ строки, полныя вѣры и надеждъ, я снова сталъ ѣздить по Россіи и все съ тѣмъ же вниманіемъ и по тѣмъ же мѣстамъ.

Послѣ этого я не написалъ книги: чернила для письма были бы слишкомъ разбавлены слезами. Я ужаснулся, я не могъ вѣрить; чтобы въ такой короткій промежутокъ времени жизнь государства, жизнь народа, жизнь общества въ Россіи могла бы такъ все-сторонне и такъ глубоко растлиться.

Люди, тѣже люди, которые пять лѣтъ назадъ дѣйствовали, потому что они вѣрили въ возрожденіе, пять лѣтъ спустя говорили мнѣ, что дѣйствовать *не стоитъ*: все валится, все рушится, все извращено, все изуродовано, все проникнуто какою-то безумною любовью ко всему *чего нѣтъ*, и ненавистью ко всему, что *есть*.

Я не вѣрилъ первымъ впечатлѣніямъ, я искалъ вторыхъ, третьихъ, четвертыхъ, я носился изъ одного уѣзда въ другой, изъ одной губерніи въ другую, вездѣ я спрашивалъ, вездѣ я изучалъ, смотрѣлъ, наблюдалъ; увы!—всѣ мои усилія разувѣриться были напрасны: дѣйствительность бросалась въ глаза, имѣла свой запахъ, кричала въ уши своими рѣзкими голосами; надежды, рождавшіяся въ сельской жизни, потоплены въ кабачной водкѣ и въ безпредѣльной распущенности всѣхъ правовъ; надежды на земство улетучились въ той ли-

беральной фальшью наполненной пустотѣ, гдѣ горсти людей справляли земщину не для пужды своей мѣстности, а для щекотанія капризовъ либеральныхъ газетъ; надежды на мировую юстицію исчезли въ недочетѣ людей, надежды на помѣщиковъ улетѣли въ тѣ дали, гдѣ помѣщикъ отrostалъ себѣ брюхо, подѣ вицмундиромъ чиновника, подѣ фракомъ куртизана, подѣ сюртукомъ концессіонера, или пиджакомъ банковаго дѣятеля: помѣщичьи дома стояли заколоченными, и пока во всѣхъ городахъ открывались банки и конторы желѣзно-дорожныхъ обществъ, пока рельсы клались и станціи строились, пока школы возводились въ селахъ, изъ глубины жизни рождалось понятіе о сокращеніи церквей, по ненадобности, и народъ, только что освобожденный, выходилъ изъ кабака съ понятіемъ о новомъ видѣ вѣрностнаго права—подѣ названіемъ кабалы у кулака.

Все это я видѣлъ въ сотнѣ разнообразныхъ картинъ.

Но изъ всѣхъ впечатлѣній самое ужасное заключалось въ томъ аккордѣ, который звучалъ въ воздухѣ вездѣ, и казался мнѣ погребальною пѣснью надъ мечтами честныхъ людей.

Этотъ аккордъ звучитъ и понынѣ. Въ немъ соединяются слѣдующія ноты: народное благосостояніе видимо улучшается: смотрите на избы, смотрите на фабрики, смотрите на наряды, смотрите на желѣзныя дороги,—это одна нота; вторая: народное образованіе дѣлаетъ громадныя успѣхи; третья нота: священники никуда не годятся, можно въ крайнемъ случаѣ обходиться безъ нихъ и безъ церквей; четвертая нота: народъ спился,—это правда, народъ распущенъ, и это правда, но берегите его самоуправленіе, какъ свитыню; и, наконецъ, пятая нота: все это переходное время;

дайте земству больше правъ, устройте провинціальную печать, введите насильно образованіе и все пойдетъ отлично.

Вотъ изъ этихъ то нотъ составилъ аккордъ, ставшій главнымъ мотивомъ провинціальной жизни въ Россіи.

Одни этотъ аккордъ пѣли, другіе, слушая его, говорили: вы слышите?—вотъ что поютъ бругомъ всѣ наши дѣятели.

И вотъ подъ звукъ этихъ аккордовъ, учебники и заучиванье уроковъ въ школахъ стали называть просвѣщеніемъ, банки и желѣзныя дороги, строившіеся для обогащенія концессіонеровъ, стали называть признаками благоденствія Россіи, богатые постройки въ селахъ кабачниковъ и кулаковъ стали называть признакомъ богатства крестьянъ, необходимость больше платить податей и повинностей стали называть признакомъ усиленія платежныхъ силъ, и, наконецъ, уменьшеніе и закрытіе церквей стали называть улучшеніемъ быта духовенства.

Таковъ былъ смыслъ ужасныхъ диссонансовъ этого аккорда.

Этотъ аккордъ взялся откуда?

Онъ цѣликомъ першелъ изъ Петербурга посредствомъ печати.

Это былъ фактъ, въ непреложности котораго нельзя было усумниться.

Самобытная жизнь и творчество этой жизни въ Россіи въ эти пять лѣтъ прекратились.

Россія взяла жизнь на прокатъ изъ разныхъ либеральныхъ газетъ и журналовъ. Дошло до того, что даже нашелся афферистъ, который устроилъ въ Петер-

бургѣ и въ Москвѣ центральную контору корреспондентій изъ Россіи, въ которыхъ онъ подобно международному телеграфному агентству бралъ на себя представлять во всѣ газеты корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи въ духѣ *либеральномъ* исключительно.

Фактъ этотъ курьезенъ—но въ тоже время вѣренъ.

Когда я это все увидѣлъ, я понялъ, что теперь, если любишь Россію—и умѣешь перо держать въ рукахъ, человѣкъ долженъ писать для того, чтобы кричать, кричать и кричать во имя консерваторскихъ идей; ибо либеральная и именно ложно-либеральная печать овладѣла обществомъ также вполне, какъ бабакъ овладѣлъ народомъ.

Тогда-то родилась мысль объ изданіи журнала „*Гражданинъ*“.

Въ этомъ журналѣ я много писалъ; писалъ, между прочимъ, и „*Политическія письма*“ послѣ появленія книги г. Фадѣева „*Чѣмъ намъ быть*“.

„*Гражданинъ*“,—чтобы про него не говорили, и какъ его не ругали,—оказался не вполне безцѣльнымъ; напротивъ, онъ достигъ цѣли, онъ до извѣстной степени объединилъ разномыслящихъ консерваторовъ и извѣстнымъ *дерзкимъ* мыслямъ далъ право гражданства.

Приступилъ я къ печатанію этихъ „*Политическихъ писемъ*“ особо потому, что задался мыслию отъ времени до времени выпускать въ видѣ брошюръ, подъ общимъ именемъ „*рѣчи консерватора*“,—статьи, которыя могли бы быть достойны вниманія читающаго общества не качествомъ ихъ, а потому что вызываютъ на обсужденіе вопросовъ жгучихъ и сложныхъ и съ вопросомъ о будущности Россіи весьма тѣсно связанныхъ.

Либералы говорили почти 20 лѣтъ сряду и царили въ печати и въ обществѣ почти самодержавно.

Теперь, когда вредъ этого самодержавія печати лже-либеральной сталъ очевиденъ во всѣхъ слояхъ жизни, консерваторы имѣютъ право во имя той же свободы и той же Россіи просить слова и себѣ.

И тотъ фактъ, что вліяніе печати на Россію и ея жизнь было всемогуще въ эти 20 лѣтъ, долженъ побуждать всякаго консерватора искать въ печати средства бороться противъ этого вліянія.

Вліяніе это сплотило *почти* всѣхъ образованныхъ людей въ одно ложно-либеральное общество—деспотично, какъ я сказалъ, управляемое изъ Петербурга.

Но я сказалъ: „*почти* всѣхъ образованныхъ людей“; ибо отъ этого порабощенія уцѣлѣли отдѣльныя лица: почти въ каждомъ углу Россіи вы найдете урода въ семьѣ либераловъ, человѣка-труженика, человѣка съ религіею, человѣка съ правильнымъ понятіемъ о свободѣ, человѣка любящаго свою родину и своего ближняго, человѣка мыслящаго такъ, какъ мыслили его дѣдъ и отецъ относительно основъ и идеаловъ жизни.

Вотъ они-то, а вовсе не либералы, двигаютъ тихо и почти незамѣтно жизнь впередъ.

Они сосѣды сберегающіе завѣтъ русской вѣры, русской народности, русской семьи, и будущности своего государства.

Но въ каждомъ углу такіе люди одиноки. Между ними нѣтъ связи, нѣтъ солидарности, нѣтъ взаимодѣйствія.

Писать для того чтобы изъ этихъ отдѣльныхъ людей стремиться мало по малу сплочивать духомъ новое консервативное русское общество, которое могло бы

побороть старое, дуто-либеральное,—вотъ цѣль, къ которой, сколько мнѣ кажется, долженъ стремиться всякій честный консерваторъ Россіи.

Онъ долженъ это дѣлать столько же изъ любви къ своему государству, сколько изъ уваженія къ этимъ одинокимъ бойцамъ *за православіе во всѣхъ областяхъ русской жизни*, разсѣянныхъ и запряганныхъ въ разные углы Россіи.

И вотъ съ этою то цѣлью я и издаю этотъ первый томъ рѣчей консерватора.

А такъ какъ дѣло идетъ о высказываніи убѣжденій, то считаю долгомъ приложить къ нимъ свое имя.

Кн. Влад. Мещерскій.

С.-Петербургъ 30 декабря 1875 года.
